

ЯЗЫКОЗНАНИЕ



УДК 808.2

А.В.Жуков

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

In the paper an attempt is made to give a new interpretation of a metaphorical word-combination «*the semantic field of a linguistic unit*» and to specify this term in connection with traditional understanding of *meaning and usage*.

*В каждом слове бездна пространства;
каждое слово необъятно, как поэт....*

Н.В.Гоголь. Несколько слов о Пушкине

Метафорическое словосочетание «семантическое пространство (языка, языковой единицы)» используется довольно часто, при этом ему, как правило, не приписывается достаточно определенное терминологическое значение. Вместе с тем есть резон в уточнении смысловых границ этого потенциального термина, наиболее органично входящего в привычный ряд таких лингвистических понятий, как значение слова и употребление. «Нет ничего более естественного, — рассуждает в этой связи Ю.С.Степанов, — как представлять себе язык в виде пространства или объема, в котором люди формируют свои идеи. Что это, метафора? Да, если мы хотим вообразить себе язык. Напротив, достаточно строгое представление, если мы хотим мыслить язык в терминах науки о знаковых системах, семиотики» [1].

Речь у нас преимущественно идет о семантическом пространстве слова, фразеологизма и пословично-поговорочного выражения, хотя данное понятие в равной мере применимо по отношению к любой знаковой единице: морфеме, словосочетанию, предложению и т. п.

Семантическое пространство языковой единицы, на наш взгляд, — это ее значение, рассмотренное с точки зрения парадигматических, синтагматических и эпидигматических (деривационных) связей и отношений. Следовательно, понятие семантического пространства единицы языка включает в себя также представление о сумме возможных речевых (но не окказиональных!) употреблений данного слова или фразеологизма. Уточняя содержательные контуры и семантические границы слова в системе языка, В.В.Виноградов приходит к выводу о том, что «только на фоне лексико-семантической системы языка, только в связи с ней определяются границы слова, как сложной и вместе с тем целостной языковой единицы, объединяющей в себе ряд форм, значений и употреблений» [2].

Семантическое пространство единицы языка зависит, таким образом, от своеобразия ее значения и особенностей употребления в речи. Так, согласно В.А.Звегинцеву, лексическое значение слова «можно определить как совокупность потенциальных типовых сочетаний, в которых фиксируется область использования данного слова» [3].

Вместе с тем очевидно, что семантическое пространство единицы языка существует и развивается не только в настоящем (в синхронии), но также в прошлом и в будущем (в диахронии). Фактор времени, следовательно, раздвигает семантические границы языкового знака и обогащает его содержание, но при этом существенно усложняет эвристические задачи исследователя.

Рассмотрим в качестве примера имя существительное *жена*. «Словарь современного русского литературного языка» выделяет в этом слове два значения: 1. Замужняя женщина

(по отношению к своему мужу). *Хозяйка у меня добра и молода; А с доброю женой, кто этого не знает, Живется как-то веселей.* Крылов. Откупщик и Сапожник. 2. Устар. То же, что женщина. *Тогда чрез пеструю дорогу Перебежали две жены.* Пушкин. Полтава [4].

Парадигматическая перспектива данного слова вкупе с многозначностью зависит также от его синонимических (*супруга, благоверная, супружница, половина; сожительница (устар.), баба (груб.-прост.)* [5,6]) и тематических (*девушка, невеста, жених, брак, супруг, муж, женитьба, свадьба* и т. д. [7]) отношений.

Синтагматика приведенного слова еще более разнообразна: *хорошая, плохая, молодая, красивая, умная, любящая... жена; жена кого: брата, друга; любовь жены, к жене; забота о жене; письмо от жены; отношения с женой; уважать жену; помогать жене; гордиться женой; благодаря жене; за жену волноваться; на жену надеяться; о жене заботиться; по жене скучать; с женой помириться; жена бросила кого* [8]; *верная, вздорная, гостеприимная, заботливая, злая, мужняя (разг.), работающая, хозяйственная; законная* и т. д. [9].

Весьма широки и разносторонни словообразовательные отношения рассматриваемого слова: *жён-ушк-а, жен-к(а), жён-ин, жен-ат(ый) I (прил.), жен-ат(ый) II (сущ.), женить, по-жениться, женить-б-а, жен-их* и т. д. [10].

Однако реальные возможности семантической актуализации данного слова (впрочем, как и многих других) еще более содержательны и, очевидно, не могут быть отражены в полном объеме отдельным, даже комплексным, словарем.

Сравним следующие контексты употребления имени существительного *жена* в стихах А.Блока.

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, *жена*.
(Весенний день прошел без дела...)

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя *жена*,
О чем ты горько плачешь?
(Осенний день)

О Русь моя! *Жена* моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
(Река раскинулась. Течет, грустит лениво...)

Если в первом отрывке реализуется прямое значение слова *жена*, то во втором только намечается, а в третьем используется характерный для А.Блока прием олицетворения: *страна, родина, Россия, Русь* → *жена*, основанный на актуализации периферийных (точнее, импликационных) сем данного слова (ср. в этой связи традиционные сочетания типа *жена — подруга, спутница жизни*; эпитеты — *верная, родная, любимая, любящая* и под.). Данное употребление слова, несмотря на речевой характер, оказывается не только художественно, но в значительной мере и семантически мотивированным, поскольку, как мы видели, реализует объективно заложенный в слове содержательный и образный потенциал. В этой связи нелишне будет напомнить тонкое замечание Л.В.Щербы: «Как бы мы ни решали вопроса о значении этого слова, остается все же вопрос о том, в каких случаях слово *игла* может быть употреблено образно. Можно ли, например, сказать о гвоздях, натканных для затруднения воров поверх забора, что они *торчат как иглы*? Мне кажется, что нельзя; это хотя и неважно само по себе, однако показывает, что в словаре должны быть исчислены все традиционные случаи образного применения данного слова» [11].

Как видим, семантические контуры, объем и «пространственные» перспективы приведенного слова оказываются достаточно определенными и предсказуемыми. У признаковых слов (глаголов, имен прилагательных и наречий) семантическое пространство характеризуется, как известно, более сложной и динамичной организацией [12].

Слово *непогода*, в отличие от слова *жена*, имеет одно значение 'Плохая погода; ненастье'. *За весной, красой природы, Лето знойное пройдет — И туман и непогоды Осень поздняя несет.* Пушкин. Цыганы. *На дворе бушевала непогода. Дождь стучал по крыше, трепал листья в саду, плескался на дворе в лужах.* Короленко. Ночью. Однако динамичная и яркая образность этого слова предопределяет вполне прогнозируемые контексты переносного его применения: **Бессмертны вы вовек, о росски исполины, В боях воспитаны средь бранных непогод!* Пушкин. Воспоминания в Царском Селе [13].

Напомним в этой связи строки из знаменитого блоковского стихотворения:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!
(Пушкинскому Дому)

Очевидно, что слово *непогода* приобретает в данном случае переносно-образное, но вместе с тем вполне определенно и однозначно воспринимаемое содержание, в значительной мере навеянное стандартными семантическими ассоциациями (ср. словосочетания типа *душевная непогода, сердечное ненастье* и под.). Примечательно, что в рассказе В.Распутина «В непогоду» анализируемое слово синкретично совмещает в себе различные значения — прямое и переносные — в том числе и обобщенно-символическое, связанные с поиском ответов на мировые нравственные вопросы писателя: *Но что же это такое, в конце концов, что за сила, что за злоба обрушилась на безвинную землю и на все живущее на ней и треплет, треплет уже третьи сутки?! Или не такие уж мы и безвинные, какими нам хотелось бы представить себя в такие вот пугающие часы, точно подготавливающие Судный день? Разве не права женщина-вахтер в овчинном полушубке, подарившая мне сегодня курильский чай и уверенно повторявшая, что это не просто непогода, не просто стихия, являющаяся свой дикий нрав, — это нас уже требуют к ответу.*

Фразеологизмы, как и слова, могут расширять и обогащать область своего применения в живой речи и в тексте. Так, предикативный фразеологизм *с цепи сорвался*, являющийся морфологическим дериватом оборота *как с цепи сорвался*, употребляется при подлежащем, обозначающем лицо, в значении 'Вбежал, ворвался опрометью'. Например: — *Головы ломаете!* — *закричала сучкоруб Полина...* — *С цепи сорвались, что ли.* И.Лавров. Синий колодец. Вместе с тем в художественном тексте этот фразеологизм может употребляться и при подлежащем со значением неодушевленного предмета: — *Ветер с цепи сорвался...* — *говорит Гусев прислушиваясь. На этот раз Павел Иванович кашляет и отвечает раздраженно: — То у тебя судно на рыбу наехало, то ветер с цепи сорвался... Ветер зверь, что ли, что с цепи срывается?* Чехов. Гусев. Ср. также аналогичное использование фразеологизма в уже упомянутом рассказе В.Распутина «В непогоду»: *...Ничего он, как с цепи сорвавшийся и донельзя обозленный, не затихает, а только взял он, «бурлак» (так называли у нас, в низовьях Ангары, северный ветер, тянущий и тянущий по суткам), небольшую перемышку, чтобы прочистить свои исполинские меха, и теперь по обессиленной земле будет бить еще нещадней.*

Самостоятельный интерес представляют в связи с обсуждаемой проблемой крайне редкие и тем более показательные случаи буквально-переносного употребления фразеологических единиц. Приведем несколько примеров из художественной литературы.

Результатом такой усиленной административной деятельности было то, что к концу его градоначальничества Глухов представлял беспорядочную кучу почерневших и обветшавших изб, среди которых лишь съезжий дом гордо высил к небесам свою каланчу. Не

было ни еды настоящей, ни одёжи изрядной. Глуповцы перестали стыдиться, обросли шерстью и сосали лапы. Салтыков-Щедрин. История одного города.

В данном тексте очевидно совмещение буквального и переносного употребления глагольного фразеологизма *сосать лапу* 'Жить без средств к существованию; голодать, бедствовать'. Поскольку такое совмещение нехарактерно для большинства фразеологических единиц [14], оно, как правило, производит эффект каламбура, хотя и не столь явного. Ср. также пример двойственного использования в тексте современной прозы фразеологического оборота *плохо лежит* в значении 'Легко может быть присвоено, похищено, украдено':

Мог украсть любой фраер просто так, потому что книга плохо лежит. Книга действительно плохо лежала: на самом краю скамейки в огромном больничном дворе каменного трехэтажного здания. В.Шаламов. Колымские рассказы.

Еще примеры — опять из поэзии А.Блока:

А пока — в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...
(Есть игра: осторожно войти...)

Страна — под бременем обид,
Под игом наглого насилия —
Как ангел, опускает крылья,
Как женщина, теряет стыд.

(Возмездие)

В обоих случаях буквальный план употребления фразеологизмов *играть с огнем* 'Действовать неосмотрительно, не считаясь с опасностью' и *опускать крылья* 'Становиться пассивным, инертным, бездеятельным; утрачивать способность и желание действовать, делать что-либо' явно усиливается благодаря опоре на сравнительные конструкции.

Поскольку многие пословицы, а также часть пословично-поговорочных выражений в разных условиях употребления, в разных ситуациях и контекстах способны реализовать попеременно и прямое, и фигуральное значение, то с некоторой долей вероятности можно предположить совмещение у паремий буквального и переносного планов даже в одном и том же контексте или ситуации (ср. паремии типа *Баба с возу — кобыле легче; Семь раз примерь (отмерь), один раз отрежь; Уговор дороже (лучше) денег; Упустишь огонь — не потушишь; Федот, да не тот; Хлеб-соль ешь, а правду режь; Хороша Маша, да не наша; Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало* и др.).

В свете понятия семантического пространства языковой единицы по-новому, на наш взгляд, могут быть осмыслены факты размытости и широкозначности слов и фразеологизмов. Слова и фразеологизмы со значением неопределенности, будучи единицами переходного типа, характеризуются более сложными «пространственными» признаками [15].

Семантическое пространство языковой единицы зависит также от ее отношений и связей с пограничными образованиями. Например, глагольный фразеологизм *отогреть (согреть, пригреть) змею на груди (за пазухой)* 'Проявить внимание, заботу, любовь и т. п. к человеку, который впоследствии платит за это неблагодарностью' семантически пересекается, с одной стороны, с переносными значениями слов *змея* '2. О коварном, хитром, злом человеке' и *пригреть* '2. Перен. Разг. Приютить, обласкать, оказать кому-л. покровительство', а с другой стороны, со смыслом пословицы *Пригрели змейку, а она тебя за шейку* 'Проявили заботу, окружили вниманием того, кто в дальнейшем отплатил неблагодарностью, предательством' [16].

Таким образом, содержание языковой единицы (слова, фразеологизма, пословицы, пословично-поговорочного выражения и т. п.) существует в различных измерениях и может быть рассмотрено в разных аспектах. Очевидно, допустимо говорить о плоскостной (двухмерной) или более сложной (трехмерной, четырехмерной и т. д.) «геометрии» семантиче-

ского пространства единиц языка. В условиях употребления объективные пространственные характеристики знака могут либо раскрываться с разных сторон, даже обогащаться, либо, напротив, нейтрализоваться и обедняться. На параметры семантического пространства единицы языка дополнительное влияние оказывают фактор времени, а также ее место и роль в системе межуровневых отношений и связей.

Составное терминологическое сочетание «семантическое пространство языковой единицы» вполне может выполнять функцию родового понятия, объединяющего и одновременно разводящего традиционные термины семасиологии — лексическое значение и употребление слова.

1. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М., 1985. С.3.
2. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С.164.
3. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968. С.60.
4. Словарь современного русского литературного языка. Т.4. М.-Л., 1955. С.74-75.
5. Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. Т.1. Л., 1970. С.335-336.
6. Горбачевич К.С. Русский синонимический словарь. СПб., 1996. С.144-145.
7. Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка. М., 2000. С.220-221.
8. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. М., 1978. С.156.
9. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979. С.140-141.
10. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т.1. М., 1985. С.343.
11. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С.285.
12. Сулименко Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии. СПб., 2004. С.236-237, 244.
13. Словарь современного русского литературного языка. Т.7. М.-Л., 1958. С.1047.
14. По мнению В.П.Жукова, фразеологизмы в отличие от пословиц «не могут одновременно употребляться в буквальном и переносном значении». См.: Жуков В.П. Предисловие. О словаре пословиц и поговорок // Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд-е 4-е испр. и доп. М., 1991. С. 10.
15. Более подробно в этой связи см.: Жуков А.В., Жуков К.А. // Вестник НовГУ. Сер.: Гуманит. науки: история, литературоведение, языкознание. 2003. №25. С.106-111.
16. Жуков А.В. // Вестник НовГУ. Сер.: Гуманит. науки: история, литературоведение, языкознание. 2000. №15. С.89; См. также: Жуков А.В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. М.: Астрель. АСТ, 2003. 605 с.